

УДК 930(415) «19-20»

**ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ТОРЖЕСТВЕННЫХ РИТУАЛОВ В ПРОЦЕССЕ САКРАЛИЗАЦИИ
ВЛАСТИ МОНАРХОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
БРИТАНСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.**

Е. Н. Шайхутдинова

**THE SIGNIFICANCE OF PUBLIC CEREMONIAL RITUALS IN THE PROCESS OF MONARCHS'
POWER SACRALIZATION IN THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN PERIOD
IN THE RESEARCHES OF BRITISH AND AMERICAN HISTORIANS
OF THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES**

E. N. Shaykhutdinova

Статья посвящена изучению королевских публичных церемоний в средние века и раннее Новое время, рассматриваемых в работах английских и американских историков конца XX – начала XXI вв. Анализируются торжественные выезды французских и английских монархов, брачные церемонии, а также процедура прощания с умершими правителями в Англии и Франции. Исследуются взгляды ученых на ритуалы, дается оценка подходам авторов к анализу ключевых элементов церемоний и интерпретации данных публичных мероприятий в целом. Выделяются принципиальные особенности торжественных процессий, с точки зрения представленных специалистов, и их значение для презентации власти и ее сакрализации. Установлено, что торжественные мероприятия с участием монарха выступали одним из определяющих способов установления связи между королем и подданными. Отмечено обращение авторов к понятию социального диалога как способа формирования священного образа власти.

The paper is devoted to the analysis of the royal public ceremonies in the Middle Ages and the Early Modern Period considered in the papers of British and American historians of the late 20th – early 21st centuries. The author analyses the ceremonial trips of French and British Monarchs, matrimonial ceremonies and the procedure of farewell with dead rulers in England and France. The scientists' views on the rituals are studied, their approaches to analysing the key elements of the ceremonies and their general interpretation of these public events are evaluated. The author marks the principal features of ceremonial processions from the point of view of the represented specialists and their significance for the power presentation and its sacralization. Research revealed that ceremonial events with participation of a monarch were one of main ways to establish a connection between a monarch and their homagers. The author marks the researchers addressing to the concept of social dialogue as a way to form the sacral image of power.

Ключевые слова: публичная церемония, социальный диалог, презентация власти, символика ритуала.

Keywords: public ceremony, social dialog, power presentation, ritual symbolism.

Традиционно принято считать, что именно коронационный ритуал способствовал сакрализации власти монархов в средние века и раннее Новое время. Безусловно, все элементы данной церемонии были продуманы и выстроены так, что наследник престола качественно менял свой статус и приобретал принципиально новые характеристики в глазах приближенных. Совместная деятельность представителей католического духовенства и высшей знати в раннее средневековье сделала коронацию важнейшим таинством, формирующим вокруг преемника трона ореол святости и богоизбранности. Однако одной из особенностей данного ритуала было то, что только избранные могли присутствовать при его свершении. Абсолютные массы подданных только как факт принимали восшествие нового правителя на престол. Безусловно, это не влияло на восприятие государя как благословленного Всевышним на правление монарха – мощнейшее воздействие религиозной мысли на мировоззрение простого народа имело свой эффект. Однако для укрепления авторитета, для демонстрации близости короля и подданных часто использовались церемонии, в которых государь предстал перед народными массами и люди могли воочию видеть человека, которому вверяли свои судьбы и ждали от него защиты и гарантии свободы и спокойствия.

Представители англо-американской исторической науки широко обращались к изучению коронацион-

ных ритуалов. В Великобритании раньше и несколько позже в США стали появляться работы, посвященные анализу семантики коронации, определению ее политического, социального и культурного значения. В силу наличия значительного количества источников данный ритуал традиционно был в центре внимания исследователей. Однако последние десятилетия XX в. показали, что не только это событие королевской жизни представляет интерес для историков. Авторы стали обращаться и к другим церемониям и ритуалам европейских правителей периода средних веков и раннего Нового времени. Отличительной чертой данных исследований можно назвать то, что все авторы представляли изучаемые события в контексте их влияния на статус и авторитет власти, рассматривали, каким образом участие государственного лидера в публичных церемониях влияло на укрепление его особого положения в обществе, при помощи каких элементов и деталей складывалось общение правителя с подданными. Среди подобных изученных торжественных мероприятий можем выделить торжественные выезды королей в города, брачные церемонии, а также похоронные ритуалы.

Въезд короля в город, встреча нового правителя жителями – первый пример публичной церемонии. Для нас представляют интерес научные изыскания Лоуренса Брайана по данной проблеме [1]. Нужно отметить, что исследователь выделяет въезд монарха

как самостоятельный ритуал. По его мнению, в момент следования по городским улицам государь получал возможность максимального приближения к подданным и демонстрации своей власти и авторитета, осуществляя тем самым своеобразный «диалог с народом» [1, р. 88]. В круг интересов историка входит торжественное приветствие короля парижанами. Столица французского государства и его жители определенно являлись важной целевой аудиторией правителя, официально помазанного на престол в Реймском соборе. Утвердивший свой статус перед светской и духовной элитой, французский государь имел важной целью подтвердить его перед простыми столичными жителями [1, р. 88]. В этом Л. Брайан видит основное функциональное значение данной процессии.

Горожане встречали правителя у главных ворот Парижа, исполненные уважения и почитания их нового лидера. Въезжая в город, даже в условиях военного времени, король передавал свое оружие следовавшим за ним членам эскорта в ознаменование прибытия с мирными целями. В руках у него должен был быть скипетр, демонстрирующий право данного человека на власть. По пути следования королевского кортежа выстраивались люди, причем не каждому давалась возможность участвовать в данном шествии. Как правило, это были высокопоставленные вельможи, торговцы, крупные феодалы. К началу XV в., как отмечает исследователь, в церемонии торжественного въезда стали принимать участие и представители духовенства. Роль служителей культа была особенной, согласно замечанию Л. Брайана [1, р. 95]. Суть ее заключалась в следующем. Финальной точкой маршрута государя были ворота собора Нотр-Дам. Будучи закрытыми, они символизировали настороженное отношение прелатов к новому королю. Только после произнесения особой клятвы, которая констатировала обязательства правителя беречь и соблюдать христианские обычаи, а также защищать церковь от каких бы то ни было опасностей, собор открывал свои двери. Этот обряд обозначал воссоединение светской и духовной властей и их взаимодополняющую деятельность, направленную на укрепление благополучия государства [1, р. 98].

Определенным образом изначальный ритуал приема нового правителя трансформировался под давлением внешнеполитических событий, которые регулярно ставили перед Францией вопрос о будущем страны и ее правителя. Более того, с усиливавшейся ролью и значением парламента также происходили определенные изменения в реализации данной процедуры. Как отмечает Л. Брайан: «к XV в. торжества по поводу въезда в город нового правителя были регламентированы и строго определяли порядок следования короля» [1, р. 99].

В процессе проезда по улицам города король соблюдал четкий маршрут, который проходил через кварталы, где проживали представители различных категорий городского населения. Встреча с ними знаменовала некий диалог, в котором оформлялась система взаимоотношений между государем и подданными. Более того, как приводит пример исследователь, в определенных случаях горожане могли выступать в качестве поддержки новому правителю, высказывая одобрение в его адрес и требуя именно его власти над собой. Так было при Людовике IX и Филип-

пе V [1, р. 100]. В решающих спорах с правящей элитой, оказывавшей влияние на продвижение на трон выгодных ей престолонаследников, народ мог менять ее решение. Тем самым, как утверждает Л. Брайан, еще до официальной регламентации въезда как государственного ритуала между государственным лидером и его подданными оформлялись особые отношения, которые демонстрировали доверие к монарху и надежду на его защиту [1, р. 101].

Как отмечает историк, торжественный въезд короля в Париж означал не только дань традиции и поддержание обычая, зародившегося еще в начале XIII в. Коронационный въезд приобрел статус ритуала, оформлявшего юридические отношения между горожанами и правителем. Помимо клятвы, произносимой перед воротами собора, монарх озвучивал слова присяги и перед горожанами, принимая из рук главы парламента официальную бумагу, подтверждавшую согласие города на принятие полноправной власти занявшим французский престол королем [1, р. 103]. В период споров за трон Франции Парламент нередко оказывал свое влияние на установление власти конкретных престолопреемников. Так было в случае, когда данный судебный орган до последнего поддерживал авторитет династии Валуа.

Таким образом, согласно заключению Лоуренса Брайана, королевский въезд оформился в ритуал установления отношений между городом и правителем на юридическом уровне. Тем самым подтверждалась тенденция социального диалога, присущая большинству ритуалов периода средневековья и раннего Нового времени.

Схожего мнения придерживается Ричард МакКой в своих рассуждениях про формирование монаршего авторитета Елизаветы I Тюдор. По его мнению, торжественное шествие королевского эскорта Елизаветы Тюдор по улицам Лондона накануне коронации сыграло важную роль в создании необходимого образа правительницы в восприятии общественности [5, р. 224]. Историк отмечает, что церемония восшествия на престол нового монарха выполняла функцию социального диалога между властвующей элитой и подданным большинством. Путь следования от Тауэра до Вестминстерского аббатства служил ареной, которая демонстрировала народу нового правителя, нового короля, гаранта закона и справедливости, а также главного хранителя традиций и обычаев британского королевства. Зрелищность шествия королевского эскорта являлась составляющей успешной презентации нового статуса правительницы [5, р. 226]. Торжествам по случаю прихода монарха уделялось большое значение. Таким способом коронованный правитель мог во всеуслышание заявить об установлении своей власти.

Особую роль подобного рода «диалогу» отводит и Эллис Хант, отмечая в положениях «Little Device» Генриха VIII описание событий в день накануне коронации. Этот день, согласно настоящему документу проходил не только в подготовке центрального персонажа церемонии к процедуре вступления на престол, но и городских улиц, по которым потенциальный король должен был проезжать по пути в Вестминстерское аббатство. По мнению автора, декорация домов, площадей и улиц входила в общую концепцию презентации нового монарха. Торжество для народных масс

выступало в качестве общественной демонстрации установления его власти. По сути, согласно выводу Э. Хант, торжественный проезд королевского кортежа по улицам Лондона был частью коронационного ритуала [4, р. 48]. События, разворачивавшиеся в аббатстве, были объектом внимания узкого круга членов королевского двора, прелатов церкви и персон, специально приглашенных по этому случаю. Однако для народных масс именно празднества и особая символика, украшавшая Лондон, знаменовала приход нового правителя и сообщала о том, что король готов служить своим подданным. Появление королевского кортежа являлось финальным аккордом в процессе признания власти вновь пришедшего монарха.

Часто способом демонстрации сакрального характера власти выступали брачные церемонии. Как известно, в средние века и раннее Новое время заключение брака являлось результатом политического расчета. Особенно это касалось членов аристократических кругов общества. Перспектива родства с представителем более знатного и богатого семейства часто подвигала родителей навязывать их детям решение о замужестве или женитьбе, не учитывая их личных пожеланий. В случае с королевскими династиями подобные практики не были исключением. Более того, они имели широкую популярность. Понятие династического брака получило широкое распространение со времен раннего средневековья. Однако для нас представляет интерес, каким образом процедура заключения брака способствовала демонстрации священного характера власти, которой наделялся глава государства.

С одной стороны, женитьба отпрысков королевских семей имела мощный дипломатический подтекст. Как правило, браки заключались между представителями монархических династий и способствовали регулированию вопросов, связанных с переделом территорий или контролем над ними, расширением сфер влияния либо заключением мира. В данном случае брак можно рассматривать как тактический ход, направленный, в том числе и на демонстрацию личной харизмы и особого статуса глав семейств, то есть непосредственно королей. Этому вопросу посвящает свои рассуждения Майкл Хикс [3].

В центре его исследования – свадьба Изабеллы Французской и Эдуарда II. Однако основными фигурантами, как ни парадоксально, являются родители молодых людей: Филипп IV и Эдуард I. Исследователь рассуждает о заключении брака как спасительном шаге к примирению враждовавших государств. Свадьбу предваряли продолжительные переговоры между монархами, длившиеся несколько месяцев. Важный акцент историк делает на элементах, сопровождавших данные встречи. Помимо официальных собеседований, касавшихся преобразований отношений между Францией и Англией после брачной церемонии их детей, монархи пытались продемонстрировать своё могущество и авторитет. Однако для автора представляет интерес так называемый «поцелуй мира» [3, р. 87]. Данный жест символизировал факт взаимопонимания и принятия условий договора. Переговорный процесс сопровождался многочисленными приемами и обедами. От того, насколько качественно, щедро и роскошно будет проведен прием, зависело восприятие монарха. Таким

образом, предсвадебные переговоры могли также влиять на формирование образа правителя.

Прощание с монархом как не парадоксально так же можно отнести к публичным ритуалам, которые способствовали сакрализации королевской власти. Ключевые основы данной церемонии изучал американский исследователь Ральф Гизи. Согласно его выводам, похоронная церемония оказывала существенное влияние на формирование особого статуса правителя и власти вообще. Ориентируясь на изучение социально-культурных основ исторического события, Р. Гизи считал выше обозначенную церемонию способом обмена информацией между главой государства и подданными. В данной процедуре он видел не просто прощание с человеком, но трансляцию народным массам идеи о непресекаемости королевского могущества, силы и авторитета правящего рода.

Форму традиции и нормы похороны королей широко стали принимать в Англии и Франции с XV в. К таким выводам американский исследователь пришел, отметив частое упоминание в исторических источниках так называемых «кукол», которые копировали внешность почившего монарха [2, р. 6]. Именно эти «куклы» предавали всенародному обозрению на церемонии прощания и их же провозили по улицам города к месту захоронения. Однако если в случае английской традиции похорон использование подобных «изображений» монарха осуществлялось с целью продления церемонии прощания с королем и обеспечении ее эстетических условий, то во Франции семантика этого элемента приобретала качественно иное значение. В данном случае изображение усопшего по сути заменяло самого усопшего [2, р. 15]. Именно по этой причине мастера, создававшие «куклу», уделяли большое внимание мельчайшим тонкостям во внешности монарха вплоть до передачи эмоций на лице правителя. Подобный подход Р. Гизи объясняет тем, что для французской элиты, приближенной ко двору, для непосредственных участников политической жизни страны важно было подтвердить и обозначить, что уход короля не означал прекращение его власти и авторитета. Детальное копирование внешности монарха транслировало обществу мысль, что физическая кончина короля не знаменует его закат в качестве государственного лидера и что славные дела его живы и порядки, им установленные, не упраздняются, но продолжают существовать и далее. «В данном случае подчеркивался юридический статус королевской власти» – писал Р. Гизи [2, р. 16].

Похоронная процессия английских государственных деятелей не предполагала акцентирования внимания на проблеме утраты носителя власти. Смерть физического тела не означала пресечения традиционного, морального и политического авторитета королевской власти в целом. Таким образом, как отмечал исследователь, процедура прощания с английским королем способствовала увековечиванию его имени в частности и формированию священного образа власти в общем. «Зрелищность процессии, продуманная и четкая система символов и жестов – все способствовало оформлению особого отношения к государю и еще раз подтверждало его статус в глазах подданных» [2, р. 12].

На примере исследований американского историка Ральфа Гизи можно увидеть, каково было влияние

похоронной процессии на формирование сакрального статуса власти. Создание «кукол», точно передававших внешность государственного лидера подтверждает, на наш взгляд, идею неоспоримой веры представителей средневекового общества в бессмертие своего правителя. Король как олицетворение добродетели, стабильности в государстве, его полноценности и справедливого функционирования в нем законов, традиций, норм и обычаев со своим уходом мог нарушить целостную гармоничную картину существования общества. В силу поддержания данной стабильности в сознании общественных масс распорядители церемоний нашли в использовании подобных «манекенов» своеобразный выход из ситуации. Похоронная церемония с использованием вышеуказанных элементов не только увековечивала имя конкретного короля, но и способствовала оформлению веры большинства в непрерывность власти, в ее бессмертие.

Согласно мнениям авторов исследований, рассмотренных выше, публичные ритуалы имели колоссальное значение в жизни средневекового общества.

Литература

1. Bryant L. The Medieval Entry Ceremony at Paris // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual. Los Angeles, 1990. P. 88 – 113.
2. Giesey R. E. Funeral effigies as emblems of sovereignty: Europe, 14th to 18th centuries: lecture in the Collège de France. Paris, 1987. 20 p.
3. Hicks M. Selfpresentations in medieval England. London, 2003. 276 p.
4. Hunt A. The Drama of Coronation. Medieval Ceremony in Early Modern England. Cambridge, 2008. 308 p.
5. McCoy R. “The Wonderfull Spectacle” the Civic Progress of Elizabeth I and the Troublesome Coronation // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual. Berkeley – Los Angeles – Oxford, 1990. P. 126 – 149.

Информация об авторах:

Шайхутдинова Елена Нурғалиевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, elena-nur@bk.ru.

Elena N. Shaikhutdinova – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.